

Литературные Меридианы

«Скорбный лист» — так в эпоху А. С. Пушкина назывался тот медицинский документ, который сегодня именуется историей болезни. Когда речь заходит об истории болезни А. С. Пушкина, хочется вернуться к старинному названию — «Скорбный лист», памятуя, что скорбь — это крайнее выражение печали.

Все, что нам известно о 46 предсмертных часах его физических и душевных мучений, написано по горячим следам свидетелями — очевидцами, среди которых были и врачи В. Б. Шольц, В. И. Даль, И. Т. Спасский.

Уже в те дни передовые деятели русской культуры понимали — о Пушкине позднейшие поколения захотят узнать как можно больше: «Собираем теперь, что каждый из нас видел и слышал, чтобы составить полное описание, засвидетельствованное нами и докторами...» — сообщал 5 февраля 1837 года П. А. Вяземский А. Я. Булгакову.

Если верно, что продолжительность жизни в известной степени запрограммирована в генах, то Александр Сергеевич достался не плохая наследственность: его знаменитый прадед Абрам Петрович Ганнибал умер на 92 году жизни, оба его деда, бабушка по линии отца и мать прожили более 60 лет, а бабушка Мария Алексеевна Ганнибал и отец — по 73 года. Сестра Ольга, родившаяся на полтора года раньше Александра Сергеевича, пережила его на 30 с лишним лет. И только младший брат Лев умер относительно рано — на сорок восьмом году жизни, хотя по тем временам и этот возраст считался достаточно почтенным.

Хорошая наследственность, воспринятая Александром Сергеевичем, была передана его детям: старшая дочь Мария Александровна (в замужестве Гарtung) прожила 87 лет, старший сын Александр Александрович, особенно похвалившийся внешностью на отца, успел отметить 81 годовщину, младшая дочь Наталья Александровна (во втором браке графиня Меренберг) прожила 76 лет и Григорий Александрович — 70 лет.

Таким образом, мы можем предположить, что дантесовская пуля настигла поэта на середине его естественного жизненного пути.

Многоопытный хирург Н. Ф. Арентдт, оказывавший

В центре документально-художественных очерков хирурга и литератора, доктора медицинских наук Б. М. Шубина, составивших книгу «ИСТОРИЯ ОДНОЙ БОЛЕЗНИ» (издательство «Знание»), — ранение, болезнь и смерть А. С. Пушкина.

Представляя эту книгу читателям, президент Академии медицинских наук СССР академик Н. Н. Блохин пишет:

«Немало врачей изучало материалы, которые могут помочь получить ответы на все вопросы, связанные с болезнью и смертью поэта.

Неизменно поднимаются вопросы: можно ли было спасти Пушкина? Все ли было сделано для его спасения наблюдавшими его врачами? При этом некото-

рые авторы, писавшие о болезни и смерти Пушкина, были склонны обвинить лежавших его врачей и особенно лейб-медика Н. Арентдта в бездействии, а может быть, даже в содействии его гибели.

Эти обвинения по существу связаны с недостаточным знанием истории медицины и возможностей хирургии первой половины прошлого века...».

Перед нами не просто «история болезни», а художественное произведение о Пушкине.

Самая большая удача автора в том, что написанная им история болезни — это протокол великой силы духа и мужества Пушкина, которые не покинули его до последних мгновений жизни.

Публикуем отрывки из книги.

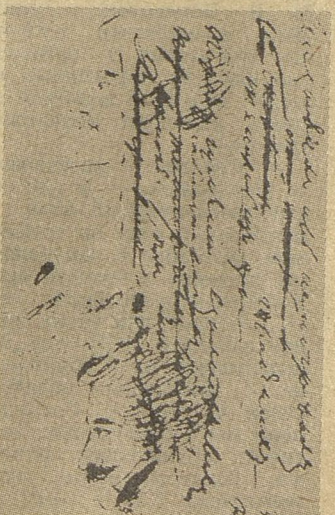

М И Г ВДОХНОВЕНИЯ

Л. Керцелли. Мир Пушкина в его рисунках: 1820-е годы. — М.: Московский рабочий, 1983.

ПО СРАВНЕНИЮ с выходящими ранее исследованиями к этому новому исследованию кажется небольшого периода творчества поэта и предлагает расказ о неатрибутированных ранее графических работах Пушкина и о людях, которых он изображал.

Абсолютно не скованный условностями профессионализма, поэт постоянно сопровождал свою поэтическую работу рисунками, запечатлевая на страницах рукописей образы друзей и знакомых, исторических деятелей прошлого и выдающихся современников, персонажей своего литературного творчества.

Публикуем два неизвестных прежде, неатрибутированных пушкинских рисунка — портреты выдающихся его современников — декабриста князя Сергея Григорьевича Волконского, осужденного к двадцати годам каторжных работ и отбывшего свыше четверти века в сибирской каторге и на поселении, и близкого друга поэта Николая Николаевича Раевского, брата жены С. Г. Волконского Марии Николаевны, урожденной Раевской, разделившей по доброй воле героическую и трагичную судьбу мужа.

Портреты находятся почти что в самом начале рабочей тетради поэта с черновиками седьмой главы «Евгения Онегина», «Полтавы», лирическими стихотворениями.

Рисунки Пушкина, карандашный портрет Н. Н. Раевского, исполненный неизвестным художником, и портрет С. Г. Волконского — гравюра В. Унгера с миниатюры Ж. Изабе.

помощь раненым в 30 боевых сражениях, сразу оценил безнадежность положения. Привычная «маска» врача — добродушная улыбка — сползла с его круглого лица.

Пушкин, этот пронзительнейший из людей, мог и не задавать вопроса. Но он спросил, что думает Николай Федорович о его ранении. И убеждал отвечать откровенно, так как любой ответ его не испугает. Ему необходимо знать правду, чтобы успеть сделать важные распоряжения.

«Если так, — ответил ему

как полагалось в таких случаях, «промывательное», а для утешения боли — опиум. Это была мучительная процедура для человека, имеющего значительные повреждения костей таза, которых врачи и не предполагали...

Между тем опиум начинал уже оказывать действие, и большой постепенно успокоился.

Понимая, что второго такого приступа он не переживет, Александр Сергеевич потребовал к себе жену и детей.

МУЖЕСТВО ПОЭТА

История болезни и смерти А. С. Пушкина

Арендт, — то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды».

Пушкин благодарил Арентдта за откровенность и просил только не говорить же...

Этой откровенностью врачи невольно дали возможность проявиться стойкости пушкинского духа и на последнем этапе его нелегкого жизненного пути. Вся история болезни Пушкина представляет собой протокол мужества.

Пушкин обдумывал план действий на несколько часов вперед — на большее теперь нельзя было загадывать.

Первой его заботой была жена: ее надо было подготовить к неизбежному исходу, а не объявлять сразу, как получилось с ним, — она такого не вынесет. Еще надо снять с нее груз ответственности за происшедшее, иначе будет казнить себя до конца дней...

Было 3 часа ночи 28 января 1837 года.

Александр Сергеевич тихо позвал дежурившего в кабинете слугу и велел подать один из ящиков письменного стола. Слуга исполнил его волю, но, вспомнив, что там лежали пистолеты, разбудил Данзаса, дремавшего у окна в вольтерсовском кресле. Данзас решительно отобрал оружие, которое Пушкин уже успел спрятать под одеялом.

Около четырех часов пополуночи боль в животе усилилась до такой степени, что терпеть уже было невозможно. Послали за Арентдтом. Он снова обследовал Пушкина и, выявив картину начинающегося перитонита, назначил,

Он спешил, как выразился Жуковский, «сделать» свой последний земной расчет».

Мальши еще спали, и их в одеялах, повинаясь его воле, приносили к нему полусонных. Он молча благословлял детей и движением руки отсылал от себя.

Затем Пушкин прожег прощиться с друзьями...

Он уходил из жизни без пышных фраз, обращенных к потомкам. Все, что хотелось сказать, он сказал в своих произведениях... Впрочем, все ли? Он уносил с собой великую тайну... Главной задачей было уйти достойно, не пугая жену, не обременяя друзей.

Он ни на что не жаловался, никого не упрекал и благодарил за любой пустяк — подадут ли воду, поправят ли постель, повернут ли его на бок, показывая, что всем доволен.

— Вот и хорошо... и прекрасно... — постоянно приговаривал он.

И от этих его слов у присутствующих навораживались слезы.

Арендт, который наблюдал много смертей на своем веку, отошел от его постели и, вытирая глаза, заметил, что никогда не видел такого терпения.

— Не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче, — уговаривал его Даль.

— Нет, не надо, жена услышит, — возражал Пушкин.

Александра Сергеевича, по свидетельству очевидцев, продолжало интересоваться, что происходит в доме.

— Много людей принимают в тебе участие, — сообщал ему Даль, — зала и передняя полны.

— Даже пушкинские анекдоты знаю, — похвастался я и начал рассказывать.

Генерал деликатно остановил меня, сказал, что знает их, и тут же спросил:

— Кто ваш папа? — Профессор астрономии. А ваш?

Генерал скорбно улыбнулся.

— Мой папа... Он умер семьдесят пять лет назад.

Раненый явно растрогался.

— Ну, спасибо... — И попросил ободрить Наталью Николаевну: — Скажи жене, что все, слава богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят...

Долгую, томительную ночь провел Владимир Иванович возле постели умирающего поэта.

Рано утром консилиум врачей в составе Арентдта, Спасского, Даля и Андреевского единогласно сошелся во мнении, что начинается агония.

Жуковский написал по-

следний бюллетень для посетителей, заполнивших прихожую: «Больной находится в весьма опасном положении».

К постели поэта подошли его друзья. В этот момент Пушкин открыл глаза и попросил морошки.

Послали за морошкой. Он ожидал ее с большим нетерпением и несколько раз справлялся, скоро ли будет морошка.

Наталья Николаевна сама дала ему из ложечки несколько ягодок и сока.

Лицо поэта выражало спокойствие, и жена вышла от него обнадеженная.

Александр Сергеевич попросил положить его выше.

Даль легко приподнял его. Пушкин вдруг открыл глаза и сказал:

— Кончена жизнь.

Владимир Иванович не расслышал и тихо переспросил:

— Что кончено?

— Жизнь кончена, — ответил он внятно. — Тяжело дышать, давит...

Это были его последние слова.

Было 2 часа 45 минут полудни.

Может быть, именно в этот день будущий словарь Даля пополнился еще одним словом, толкование которого он записал тут же, в квартире Пушкина, на отдельном листке бумаги: «Бессмертие — непричастность смерти, свойство, качество неумирающего, вечно сущего, живущего; жизнь духовная, бесконечная, независимая от плоти. Всегдашняя или продолжительная память о человеке на земле, по заслугам или делам его.

Незабвенный, вечнопамятный».

— Этого не может быть, — сказал я, не замечая своей наивной невежливости. — Если б ваш папа умер семьдесят пять лет назад, то получилось бы, что он умер одновременно с Александром Сергеевичем Пушкиным.

— Но дело в том, что мой отец — Александр Сергеевич Пушкин.

Владимир ПОКРОВСКИЙ, журналист.

Москва.

ШТРИХИ БЫЛОГО

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

В 1912 году мы с папой ехали из Петербурга на юг и задержались на день в Москве. Было мне тогда тринадцать. Бродили мы по знакомым местам. Когда оказались на Тверском бульваре, папа усадил меня на скамью у памятника А. С. Пушкину, а сам пошел куда-то по своим делам. В руках у меня была «Сказка о царе Салтане». Рядом со мной сидел очень старый генерал, спросил, читал ли я сказку. Я сказал, что знаю ее наизусть.

— Мой папа... Он умер семьдесят пять лет назад.